

Ф.Г. Жарский

Сидоров

СИДОРОВ — персонаж цикла рассказов И. Бабеля «Конармия». Лютов живет с Сидоровым на квартире и «страшится встречи» с ним, опускавшим на него «по ночам лапу своей тоски». Его «мертвенное лицо» кажется Лютову «безжизненной маской». Лютов называет Сидорова «тоскующим убийцей».

Когда однажды Сидорова вызвали в штаб, Лютов прочел часть его письма некой Виктории, из которого узнал, что Сидоров анархист, участвовал в «трехмесячном махновском походе». У него «пробито легкое», он «маленько рехнулся или... с ума слетел...»

По ранению Сидоров «попал в Москву» и в ней «онемел от несчастий». В госпитале было голодно. «Сиделки приносили мне крупицу каши... и я возненавидел эту ударную кашу, внеплановое снабжение и плановую Москву». После госпиталя в голодной Москве он оказался на польском фронте.

Сидоров разочаровался в анархистах: «Они пижоны или полупомешанные старички». «Сунулся в Кремль с планом настоящей работы». Поддержки в Кремле Сидоров не нашел. «Дальше был фронт, — пишет Сидоров. — Конармия и солдатня, пахнущая сырой кровью и человеческим прахом». Здесь он тоже не получает удовлетворения.

«Спасите меня, Виктория, — пишет Сидоров. — Государственная мудрость сводит меня с ума, скука пьянит.... Ездить верхом из-за раны я не могу, значит, не могу и драться. Употребите ваше влияние... — пусть отправят меня в Италию... В Италии земля тлеет. Многое там готово. Недостаёт пары выстрелов. Один из них я произведу. Там нужно отправить короля к праотцам...» Если не удастся в Италию, Сидоров согласен и на «одесское Чека».

Однако Италия — главная мечта Сидорова. Он активно готовится к поездке. «Язык я изучаю и через два месяца буду на нем говорить». У Сидорова есть альбом города Рима, а также вырванный из календаря снимок королевской семьи, на котором «изображен приветливый щедушный король Виктор-Эммануил со своей черноволосой женой, с наследным принцем Умберто и целым выводком принцесс».

Сидоров готов к убийствам в Италии или хотя бы в Одессе ради убийств. Он даже не прикрывается обычной в таких случаях риторикой об освобождении мирового пролетариата от гнета капитала и т. п. Несчастья бедных людей не трогают Сидорова. «За стеной искренне плакала беременная еврейка, ей отвечало стонущее бормотание долговязого мужа. Они вспоминали об ограбленных вещах».

Возможно, они и ограблены были Сидоровым или его товарищами.